

❧ · Чингисхан · Хроники завоевателя · ❧

ВОЛК РАВНИН

ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ

КОСТИ ХОЛМОВ

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

К О Н Н
ИГГУЛЬДЕН

Кости холмов

Империя серебра

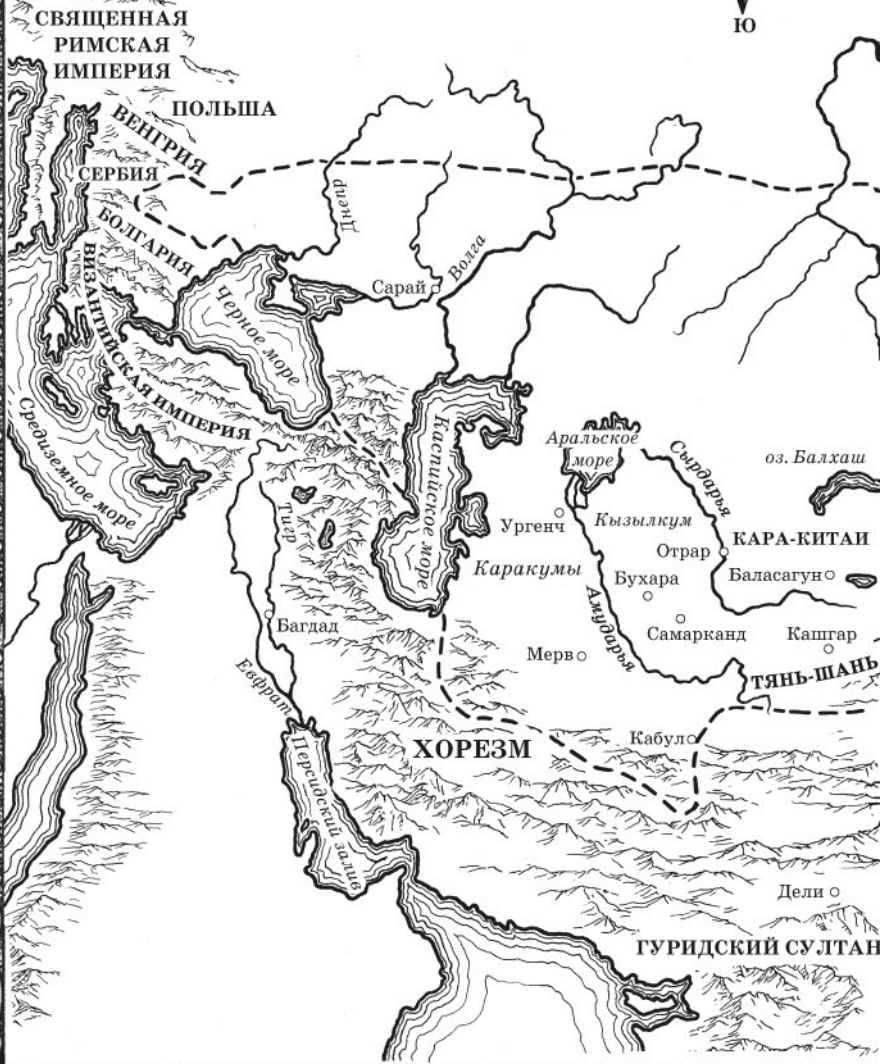
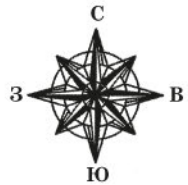
АЗБУКА

Санкт-Петербург

❧ · Кости холмов · ❧

Моему сыну Артуру посвящается

ТЕРРИТОРИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ
ПРИ ЧИНГИСХАНЕ

ПРОЛОГ

Клокотало пламя костра. Вокруг мелькали тени темных фигур с изогнутыми клинками в руках. Быстро кружились их широкополые одеяния; все громче становились завывания и улюлюканье. Чуть дальше сидели музыканты с инструментами на коленях. Перебирая пальцами струны, они извлекали ритмичные звуки и отстукивали ногами в такт музыке.

Перед костром тянулась вереница монгольских воинов — их поставили на колени, связали за спиной руки и обнажили грудь. Холодные и бесстрастные лица пленников были обращены в сторону ликующих победителей. Монгольский военачальник Курхаск получил сильные увечья во время битвы. Кровь запеклась на губах; правый глаз распух и закрылся. Что ж, бывало и хуже. Курхаск восхищался мужеством соплеменников, на чьих лицах не было ни малейшего признака страха. Исполненный гордости за своих, монгол наблюдал за тем, как голоса, обращаясь к звездам, темнокожие воины пустыни и размахивают кривыми саблями, обгаренными кровью тех, кого он знал с давних пор и кто только что расстался с жизнью. Племя темнокожих воинов представлялось Курхаску таким необычным. Такими странными казались ему и головные уборы в виде полоски ткани, многократно обернутой вокруг головы, и похожие на платья просторные рубахи поверх широких штанов. Большинство темнокожих мужчин носили бороду — до того густую и пышную, что рот, скрытый в гуще черных волос, алел, будто кровоточащая рана. Эти люди в основном были выше и мускулистее даже самых высоких и крепких монгольских богатырей. От жителей пустынь сильно пахло диковинными пряностями. Многие жевали какие-то темные корешки, то и дело сплевывая себе под ноги сгустки корич-

невой слюны. Стараясь не выдать презрения к темнокожим воинам, Курхаск молча наблюдал, как они доводят себя до безумства, дергаясь и крича в головокружительном танце.

Монгольский военачальник понуро опустил голову. Теперь он понимал, что действовал слишком самонадеянно. Двадцать человек, которых отправил вместе с ним Тэмуге, были лишь наемными воинами и не имели должной подготовки. Защищая повозки с товарами, они действовали медленно и неумело и попали в плен. Вернувшись в мыслях на несколько месяцев назад, Курхаск понял, что порученная ему мирная миссия усыпила его бдительность. Оказавшись в краю высоких горных перевалов и приносящих скудные урожаи долин, монголы вели торговлю незатейливыми вещами с местными земледельцами, бедность которых поражала даже суровых монгольских воинов. Впрочем, дичь водилась в этих местах в изобилии, а однажды пришельцы изловили и поджарили на костре жирного оленя. Возможно, это и стало их роковой ошибкой. Крестьяне пытались предупредить Курхаска, показывая на горы, но он ничего не понял. И хотя монголы не ссорились с горными племенами, горцы напали. Под покровом ночи они внезапно вышли из тьмы и с дикими воплями, рубя кривыми саблями, налетели на спящих. Вспоминая кровавую резню, он зажмурился. Только восемь мужчин остались в живых. Правда, Курхаску ничего не было известно о судьбе его старшего сына. Его отправили разведывать путь, и монгол надеялся, что юноша выжил и сможет доставить хану печальную весть. Лишь одна эта мысль теперь утешала его.

Горцы разграбили повозки, забрали серебро и нефрит. Глядя исподлобья, Курхаск заметил, что кое-кто из врагов даже облачился в монгольские дээлы, забрызганные темной спекшейся кровью.

Свою монотонную песнь горцы исполняли неистово и иступленно, пока в уголках губ не скопилась белая пена. Когда глава племени обнажил клинок и с криком ринулся к пленникам, Курхаск гордо выпрямил спину и обменялся взглядом с товарищами.

— Еще не кончится ночь, а мы уже отойдем в мир духов и увидим родные холмы, — сказал он соратникам. — Хан обо всем узнает и обратит эту страну в пыль.

Негромкая речь, казалось, лишь усилила бешенство горца. По гневному лицу мусульманина быстро забежала тень клинка,

которым он размахивал над головой монгольского воина. Курхаск невозмутимо наблюдал. Чувствуя дыхание неотвратимой гибели, он нашел в себе силы отбросить страх и встретить ее спокойно. По крайней мере, это давало ему некоторое удовлетворение. Он надеялся, что жены будут долго оплакивать его смерть.

— Не теряй мужества, брат, — добавил он.

Кривая сабля отсекла голову воина раньше, чем тот успел дать ответ. Хлынула кровь, горцы закричали и затопали ногами в знак одобрения. Воин ухмыльнулся и обнажил зубы. В обрамлении черной как смоль бороды и смуглой кожи они казались ослепительно-белыми. Сабля вновь опустилась, и еще один монгол рухнул на пыльную землю. Курхаск едва мог дышать. Гнев и злоба сдавили горло. Он умирал в далекой стране озер и чистых горных ручьев, в двух тысячах миль от Яньцзина. Местное население испытывало благоговейный трепет перед необычными чужеземцами и вело себя дружелюбно. В то самое утро, когда Курхаск собирался в дорогу, крестьяне пожелали ему доброго пути и на прощание дали тягучих сластей, от которых слипались зубы. Он скакал под ясно-голубым небом, не подозревая о том, что горцы следят за ним. Он так и не понял, почему они напали. Разве что позарились на чужое добро. В поисках сына Курхаск украдкой осматривал окружающие холмы, надеясь, что тот станет свидетелем смерти отца. Допуская, что мальчик видит его, Курхаск не мог позволить себе умереть недостойно. Его мужественная смерть стала бы последним подарком сыну.

Мусульманину понадобилось три удара, чтобы отсечь третью голову. И когда она наконец скатилась на землю, он поднял ее за волосы и предъявил соплеменникам, смеясь и что-то бормоча на своем странном языке. Монгол уже начинал разбирать некоторые пуштунские слова, но понять поток речи ему было не по силам. В мхуром молчании он наблюдал за кровавой расправой до тех пор, пока не остался последним живым пленником.

Курхаск поднял голову и бесстрашно посмотрел вдаль. Чувство облегчения овладело им, когда он приметил, что там, куда не проникал свет костра, что-то зашевелилось. Светлое пятнышко двигалось в темной мгле. Курхаск улыбнулся. Это он, его сын, подавал ему знаки. Монгол склонил голову прежде, чем мальчик скрылся из виду. Далекое светлое пятнышко исчезло во тьме, но Курхаск был спокоен, волнения и тревоги покинули его. Хан обо всем узнает.

Монгольский военачальник снова поднял глаза, когда мусульманин занес окровавленный клинок над его головой.

— Ты еще встретишься с нашими, — сказал Курхаск.

Не поняв слов, мусульманин замешкался.

— Пусть песок закроет твой рот, неверный! — вдруг прокричал он, но монгол тоже не понял его. Лишь утомленно пожал плечами.

— Ты не знаешь, что делаешь, — промолвил он, прежде чем окровавленный клинок опустился.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Порыв ветра налетел на хребет высоких холмов. В небе проплывали хмурые тучи, волоча по земле ленты серых теней. В утренней тишине земля казалась пустой и безлюдной, когда двое всадников двигались во главе узкой колонны — джагуна из ста молодых воинов. Монголы, возможно, проскакали уже тысячу миль, не встретив никого на пути, и только скрип кожи да фырканье малорослых лошадей нарушали царившее вокруг безмолвие. Временами они останавливались и напрягали слух, и тогда тишина словно накатывала на них со всех сторон.

О том, что Субудай — важный военачальник на службе у хана, можно было судить лишь по его манерам и выправке. Доспехи из нашитых на кожаную основу железных пластин порядочно износились, во многих местах виднелись дыры и ржавчина. Зарубки на шлеме свидетельствовали о том, что тот не раз спасал жизнь своему владельцу. Но хотя доспехи обветшали, этот человек по-прежнему оставался таким же крепким и безжалостным, как скованная морозом земля. За три года набегов на северные земли он проиграл всего одну мелкую стычку, но уже на следующий день вернулся и разгромил непокорное племя, не позволив недоброй вести о его неудаче разлететься по свету. Субудай явил образец военного мастерства в далекой стране, где воздух делался холоднее с каждой милей вглубь безлюдных пространств. У Субудая не было карт, и только молва указывала ему путь к далеким большим городам, стоявшим на реках, которые зимой сковывал такой прочный лед, что на нем можно было жарить быка.

Справа от Субудая скакал Джучи — старший сын самого хана. Юноше едва исполнилось семнадцать лет, но, возможно, именно

ему предстояло унаследовать власть над народом. Возможно, когда-нибудь он во время войны даже будет отдавать приказы Субудайю. Но пока у Джучи были такие же доспехи из засаленной кожи и железных пластин, те же седельные мешки, то же оружие, что и у всех остальных воинов. Субудай хорошо знал, что Джучи не брезгует питательной смесью из сушеной крови и молока, разведенных небольшим количеством воды. Ибо эта земля не прощала беспечного отношения к вопросам выживания. И оба уже усвоили уроки зимы.

Джучи чувствовал пытливый взгляд военачальника и не терял бдительности. С ним он провел больше времени, чем с отцом, но старые привычки трудно преодолеть. Джучи не доверял никому, даже Субудайю, несмотря на безграничное уважение к этому человеку. Командир Волчат был создан для войны, хотя и отрицал это. Субудай превыше всего ценил разведку, военную выучку, тактику, лук и стрелы, но те, кто шел за ним на войну, верили в то, что он победит при любом раскладе. Другие могли придумать новую конструкцию меча или седла, а вот Субудай создавал новые армии, и Джучи знал, что иметь такого наставника — особая честь. Юноша надеялся, что на востоке дела его брата Чагатая продвигались так же успешно. Как же легко было теперь, скача по холмам, помечтать и представить, как онемеют от удивления отец и братья, когда увидят, как Джучи повзрослел и окреп.

— Какая самая важная вещь лежит у тебя в мешках? — вдруг спросил его Субудай.

Джучи на мгновение поднял глаза на сгущающиеся облака. Субудай любил проверять его знания.

— Мясо, командир. Без мяса я не смогу воевать.

— Разве лук не важнее? — переспросил Субудай. — Кто ты без лука?

— Никто, командир. Но без мяса я ослабну и не смогу стрелять.

Услышав, что юноша повторяет его же слова, Субудай проворчал:

— Когда мясо закончится, сколько ты протянешь на сушеной крови и молоке?

— Шестнадцать дней — самое большее. Если не умру от ран.

Джучи отвечал не задумываясь. С тех пор как вместе с Субудаем они покинули цзиньскую столицу, юноша хорошо выучил ответы.

— Какое расстояние ты сможешь покрыть за это время? — продолжал Субудай.

— Чуть больше полутора тысяч миль, если буду менять лошадей. И еще половину этого расстояния, если буду спать и есть в седле, — пожал плечами Джучи.

Заметив, что юноша отвечает, почти не задумываясь, Субудай сменил тактику.

— Чем опасны холмы впереди нас? — резко спросил он.

Джучи растерянно поднял голову:

— Я...

— Быстро! Люди ждут от тебя решения. Их жизнь зависит от твоего слова.

Джучи сглотнул. Субудай давно стал для него учителем.

— Солнце у нас за спиной, значит когда мы поднимемся на вершину холма, то будем видны как на ладони с расстояния нескольких миль, — ответил Джучи. Субудай начал было кивать, но юноша продолжил: — Земля сухая. Когда перевалим за гребень гряды, в воздухе за нами останется облако пыли.

— Хороший ответ, Джучи, — похвалил Субудай.

С этими словами он ударил пятками лошадь и помчался вперед к гребню холма. Как и предсказывал Джучи, отряд из ста всадников поднял ввысь целый столб красноватой пыли и мелко-го песка. Кто-нибудь мог легко их заметить и сообщить об их местонахождении.

Достигнув вершины, Субудай не остановился и проскакал чуть дальше. Джучи последовал за ним, и через мгновение глоток пыли заставил его прокашляться в руку. Субудай остановил лошадь в пятидесяти шагах от гребня. Дальше начинался крутой спуск в долину. Без всякой команды монголы окружили своего полководца широким двойным полукольцом наподобие натянутого лука. Тактика поставленного над ними военачальника давно была им знакома.

Насупив брови, Субудай уставился вдаль. Внизу, зажатая холмами, тянулась плоская равнина. По равнине бежала река, полноводная после весенних дождей. Вдоль берега реки медленно продвигалась колонна, пестреющая хоругвями и знаменами. От волнения Джучи почувствовал, как внутри что-то сжалось, но все равно испытал восторг от увиденного — зрелище и в самом деле было восхитительным. Десять или одиннадцать тысяч русских конных витязей шествовали впереди под развевающимися

красно-золотыми стягами. Позади конного войска тянулся длинный обоз из телег и запасных лошадей. На повозках и рядом с ними двигались несколько тысяч женщин, детей и слуг. Как раз в этот момент солнце выглянуло из-за серых туч и позолотило долину гигантским лучом. Доспехи витязей весело заиграли на солнце.

Их лошади, массивные и косматые, были почти вдвое крупнее монгольских низкорослых скакунов. Да и сами всадники в глазах Джучи тоже выглядели необычно. Закованные в кольчугу с головы до колен, они казались тяжелыми и грузными, точно изваянными из камня. Лишь голубые глаза да кисти рук оставались незащищенными. Облаченные в доспехи всадники готовились к битве, в руках они держали длинные копья. Направленные стальным наконечником к небу, копья были вставлены торцом в кожаную чашку на стремях. Еще Джучи разглядел секиры и мечи, висящие на пояском ремне. К седлу каждого воина был прикреплен листообразный щит. Над головами колыхались узкие треугольные флаги. В игре солнечного света и тени зрелище было весьма впечатляющим.

— Они должны нас заметить, — пробурчал Джучи, подняв глаза на облако пыли вверху.

Субудай услышал его и повернулся в седле:

— Это не люди степей, Джучи. Их глаза не приспособлены видеть на таком расстоянии. Ты испугался? Их воины — настоящие великаны. Я бы испугался.

На мгновение Джучи овладела злость. Если бы эти слова сказал его отец, их можно было бы принять за насмешку. Но Субудай говорил с огоньком в глазах. Ему было немного за двадцать, слишком мало, чтобы командовать даже сотней. В нем не было страха, и Джучи знал, что его командира не пугают ни мощные боевые кони русских, ни грозные всадники. Он верит только в скорость и стрелы своих Волчат.

Джагун делился на десять арбанов, каждый с десятником во главе. Только десятники, по приказу Субудая, имели тяжелое вооружение. Остальные носили кожаные туники, поддетые под дээлы. Джучи знал, что Чингис предпочитал тяжелую конницу легкой, но воины Субудая, кажется, научились воевать с минимальными потерями. В бою они могли действовать проворнее и быстрее русских тяжеловесов, и к тому же монголы не ведали